

Лада Кутузова

ПТИЦА НЕСЧАСТЬЯ

16+

Лада Кутузова

Птица несчастья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65674974

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-96036-7

Аннотация

Когда тебе семнадцать, и ты влюблён, кажется, что впереди только безоблачное счастье. Рёв мотора, трасса, ветер в лицо, а за спиной – самая лучшая девушка на свете. Но всё меняется в один миг: Фёдор и Алёна попадают в аварию. Фёдора ставит на ноги мёртвая вода. Её добывают в Заручье – аномальной зоне в Вологодской области. Там обитают разные сущности: мавки, русалки, лешаки и прочие. В Заручье дорога открыта лишь ходакам – людям, прошедшим спецподготовку. Алёна остается в коме. Ее отец уверен, что спасти Алёну может вода живая. Но про эту воду ничего неизвестно: все ходоки, ушедшие в глубь Заручья, пропали без вести. Федора не останавливают слухи о погибших, и он отправляется в Заручье за живой водой. Теперь его ожидают мрачный лес, жуткая нечисть и путь в неизвестность. Но Федор должен его пройти, потому что выбора нет: он обязан вернуть к жизни любимую, которая умирает по его вине.

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Мертвая вода	6
Глава первая. Кома	7
Глава вторая. Ходоки	16
Глава третья. Ферапонтово	24
Глава четвертая. Перевалочный пункт	33
Глава пятая. «Шизгару» давай!»	40
Глава шестая. Полкан	49
Глава седьмая. Максим Леонидович	59
Глава восьмая. Заручье	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Лада Кутузова

Птица несчастья

За горами, за лесами, за зелеными долами ходит-бродит огромная курица по имени Стратим. Когти ее из каленого железа, клюв – из чистого золота. Море ей по колено, головой упирается в небо. Как переступит с ноги на ногу, земля сотрясается, океаны из берегов выходят.

Окружает птицу крепость неприступная и леса дремучие. Выше гор та крепость, крепче скал. Не пробиться Стратим за каменную преграду, не продрасться сквозь чащу непролазную. А если прорвется, то погубит все человечество.

Пролог

Федор выжимал газ из выдавшего виды скутера. Ветер свистел в ушах, а сердце то замирало, то билось, как припадочное: Алена, сидевшая сзади, прижималась к Федору телом, и он чувствовал ее тепло. От этого окружающее делалось нереальным. Сгущающиеся сумерки и поднимающийся от стылой земли туман добавляли миру мистичность, стирая грани между мирами.

Алена положила голову на плечо к Федору и что-то прозвизжала. Он не расслышал: мешал рев двигателя. По коже побежали мурашки: было приятно и щекотно одновременно. Алена дотронулась губами до его шеи, и Федору на мгновение почудилось, что асфальт под скутером провалился, а они с Аленой парят на невидимых крыльях.

Темно-фиолетовое с просинью небо наливалось красным, точно зреющий фингал, тени удлинялись, и тусклый свет фары казался Федору путеводной звездой. Он сбросил скорость: дорога приближалась к перекрестку. Виднеющийся светофор мигнул и переключил свет на зеленый, Федор повернул ручку газа: свободно! Скутер с ревом рванул вперед, и в тот же миг Федор ощутил удар, который подбросил скутер и его с Аленой. И тогда они взлетели. До самых звезд.

Часть первая. Мертвая вода

Стояли уроды,
Без имени-породы.
Просили уроды:
«Пустите в огороды»

Глава первая. Кома

С потолка спускались бледно-голубые нити, от них исходило свечение. Федор моргнул, затем сфокусировал взгляд и разглядел: рядом с кроватью стояла капельница, от которой к его ключице тянулась гибкая трубка. Федор безучастно смотрел, как из нее неспешно капает лекарство. Так медленно, что, казалось, целая вечность прошла, когда в палату заглянула медсестра, чтобы сменить капельницу. Она мельком посмотрела на Федора и заметила:

– Очнулся?

Федор мигнул. А когда снова открыл глаза, медсестры уже не было.

Выписали его через неделю, за Федором приехали отец с матерью. Отец сдержанно обнял его, а мать разрыдалась. У Федора тоже навернулись слезы: вся связь с родными в больнице проходила через лечащего врача, Федор не мог даже поговорить с ними. Он незаметно вытер слезы и забрался в машину. Всю дорогу мать держала его за руку, точно боялась потерять, и непрестанно гладила по плечу.

– Что с Аленой? – Федор наконец задал тревоживший его вопрос.

– В больнице пока, – скупой ответил отец. Он так взглянул на Федора через зеркало заднего вида, что тот понял: отец что-то умалчивает.

– А с тем, кто нас сбил?

В больнице его навестил милиционер, который допросил Федора и сообщил, что вины пострадавшего в случившемся нет: водитель машины проехал на красный свет.

– Ничего, – отрезал отец и коротко пояснил: – Он оплатил мертвую воду.

До Федора дошло: вот кому он обязан спасением! Тому, кто едва не лишил его жизни.

Машина подъехала к дому и остановилась. Отец вышел с водительского кресла и помог Федору: правая нога не совсем восстановилась после аварии. Федор дохромал до двери подъезда, а потом резко встал.

– Так нечестно!

– Честно, – ответил отец. – Мы не успевали собрать деньги, да и в фондах очередь была. Думаешь, ты один такой? А счет на дни шел.

– Отец прав, – вступилась мать. – Тебе инвалидность грозила: внутри все отбито было. А так надежда на полное излечение, процесс уже запущен.

– А Алена? – снова спросил Федор.

Отец обогнул его и открыл дверь подъезда.

– Она в коме, – мать сглотнула и получилось: «Она в коме». Федор не сразу осознал, что это значит. – Прогнозы плохие.

В квартире Федор прошел в свою комнату и плюхнулся на кровать. Думать ни о чем не хотелось, но мысли упорно возвращались к словам, сказанными матерью. Значит, Алена

в реанимации? Он почему-то считал, что она тоже идет на поправку, раз с ним все в порядке. Федор пытался узнать что-либо у лечащего врача, но тот лишь отмахивался: мол, никаких сведений нет. То ли и, правда, был не в курсе, то ли скрывал.

Федор поднялся и заглянул в комнату родителей:

– А Алене разве мертвую воду не подключили?

– Подключили, – подтвердила мать и пояснила: – У Алены мозг поврежден, от этого мертвая вода не лечит.

Отец ничего не произнес, но Федор вспомнил, как совсем недавно поругался с ним из-за того, что забыл надеть мотоциклетный шлем. Отец даже грозился забрать скутер, но Федор извинился, а в тот день... В тот день он и не собирался никуда ехать с Аленой. Ну, может, покататься по дачной грунтовке. Просто Аленина мать попросила заскочить в соседний поселок, а Федор не смог отказать. За шлемами решил не заезжать: тут ведь совсем близко. Совершил непростительную ошибку, за которую поплатился не он сам, а Алена.

Радость от встречи с родителями сменилась тоской. Федор безо всякого аппетита жевал голубцы, приготовленные мамой: отказаться – значит, обидеть ее. Мыслями он был далеко. Надо связаться с родными Алены. Но что сказать? Что?! Что сожалеет? Нужно им его сожаление. Федор виноват не меньше водителя, сбившего скутер. Казалось, всего пятнадцать минут езды до магазина, а вон все как поверну-

лось.

Прошел час, прежде чем Федор набрался смелости позвонить родителям Алены. Трубку взял отец.

– Николай Степанович, – сбивчиво поздоровался Федор, – это я. Как дела у Алены?

Тот ответил не сразу, будто специально тянул паузу, от чего у Федора разнылся живот.

– Плохо, Федя, – произнес Николай Степанович. – Алена в себя не приходит, а вчера Нину с сердечным приступом скорая забрала: она себя в случившемся винит.

– Почему?

– Потому что попросила вас в магазин съездить, – сдавленным голосом сказал Николай Степанович.

Федору показалось, что он плачет.

– Так я шлемы не взял, – Федор решился: будь что будет. – Это моя вина.

– Чего уж теперь думать, чья вина. Мы не на суде находимся, – отрезал Николай Степанович. – Только так тяжело, что жить невозможно.

– Хотите, я приеду? – спонтанно предложил Федор. Словно в бездну шагнул.

– Приезжай, – согласился Николай Степанович.

– Куда ты?! – окликнула мать, когда Федор начал обуваться.

– К Николаю Степановичу, – он зря понадеялся, что мать

уже ушла из кухни, а потому не придется ничего объяснять.

Мама перегородила выход:

– Нечего тебе там делать! Только нервы трепать.

– Надя, пусти его, – из спальни показался отец. – Он правильно все делает.

Мать так побледнела, что на мгновение Федору стало страшно: вдруг и с ней случится приступ, как с тетей Ниной? Мама неотрывно смотрела на отца, а потом, не произнеся ни слова, вернулась в кухню, громко хлопнув дверью.

– Ступай, – велел отец. – Только будь осторожен.

На даче дома Алены и Федора стояли друг от друга в ста метрах. Утром Федор первым делом высовывался в окно на втором этаже и высматривал Алену: встала или еще нет? Обычно Алена поднималась раньше. Если замечала Федора, то махала рукой. Он тогда быстро проглатывал завтрак, а после неся к Алене: в летнюю жару они часто ездили на карьеры, чтобы искупаться.

В городе до дома Алены Федор добирался пешком минут за двадцать. Но нога болела, поэтому он отправился на остановку.

– Федька, ты, что ли?! – он заметил соседку по подъезду, тетю Настю, которой до всего было дело.

Мама объясняла это тем, что у тети Насти нет своей личной жизни, а потому она лезет к другим.

– Да, я, – коротко ответил Федор.

Соседка встала перед ним и жадно осмотрела, ощупывая

взглядом.

– Живо-о-ой, – протянула она. – И даже ходишь. А говорили, что вас обоих по асфальту размазало.

Федор обогнул ее и, ничего не ответив, отправился дальше.

Желтый автобус с черной полосой по бокам подъехал через пять минут. Федор с трудом залез в салон и уселся на обтянутое дерматином сиденье. Уголки сиденья лопнули, из-под обивки был виден поролон. На спинке соседнего сиденья кто-то написал поверх трещин на искусственной коже шариковой ручкой: «И пролетела птица несчастья...» Федор откинулся и прикрыл глаза: нога разболелась так, что хотелось укутать ее в одеяло и нянчить, точно младенца.

В салоне пахло пылью, бензином, а еще нагретым дерматином. Солнце припекало через стекло – и не скажешь, что уже конец августа: слишком жарко. Вскоре Федор почувствовал, как опускаются плечи и наливаются тяжестью веки. Словно он стал Вием, и теперь без посторонней помощи их не поднять. На какое-то мгновение Федор провалился в сон и тут же очнулся, будто от толчка: остановка! Вскочил, тут же поморщился – в ногу стрельнуло – и, ковыляя, потащился к выходу.

На остановке ветер гонял обертку от чипсов и пустую пачку из-под сигарет. Рядом валялась перевернутая урна. Федор на автомате поднял ее и пошел дальше. Алена жила в панельной пятиэтажке: серые блоки в сети трещин, желтая га-

зовая труба, оплетающая здание по периметру. Федор зашел в третий подъезд и поднялся по стертым ступеням на второй этаж. Он дважды нажал на кнопку звонка. На мгновение – всего одно, но Федор почти поверил в это – ему почудилось, что дверь откроет Алена, целая и невредимая. Он подхватит ее на руки, и все будет, как прежде.

Но наваждение схлынуло, когда на пороге появился Николай Степанович. Он пропустил внутрь Федора и закрыл дверь на оба замка. Квартира пропахла табаком. Непривычный к запаху Федор закашлялся, на что Николай Степанович извинился:

– Я лет десять, как бросил курить, а тут сорвался. Но ничего, вечером проветрю – Нину завтра выписывают.

– Ей легче стало?

– Да, укололи мертвую воду в сердце. Не зря я дополнительную страховку оформил.

Если бы Федор встретил Николая Степановича на улице, не узнал бы. За несколько дней Аленин отец резко постарел: в волосах появилась седина. Он по-старчески шаркал ногами и ссутулился.

– Вы сами-то как?

Николай Степанович прошел в кухню и только тогда ответил:

– Держусь ради Нины.

Он зажег конфорку. Синее пламя жадно облизывало эмалированный бок красного в белый горох чайника. Федор рас-

смаатривал рисунок на клеенке, боясь встретиться взглядом с Николаем Степановичем: пестрые цветы и золотистые завитушки. Когда затянувшаяся тишина стала совсем невыносима, Федор спросил:

– Что говорят врачи про Алену?

Николай Степанович насыпал в заварочный чайник заварку, добавил к ней листья мяты и смородины – родители Федора тоже сушили их на зиму. Затем заварил чай. Федор обратил внимание, что руки Николая Степановича дрожат, как и его плечи и спина. Будто он изо всех сил сдерживает рыдания.

– Сказали, что все плохо. У них шкала какая-то есть, по которой оценивают состояние. Так у Алены по этой шкале мало баллов. Если бы не мертвая вода, она бы уже умерла.

– И совсем ничего нельзя сделать?! – невольно вырвалось из Федора.

Николай Степанович разлил чай по чашкам и твердо ответил:

– Я не разрешу отключить Алену от аппарата. Нина этого не переживет.

Ни чая, ни шоколадных конфет с лимонной начинкой не хотелось. Но Федор не желал обидеть Николая Степановича, поэтому медленными глотками цедил напиток.

– Пролетела птица несчастья, – произнес Николай Степанович.

– Что?! – вздрогнул Федор. Показалось, что он где-то слы-

шал эту фразу.

– Пролетела птица несчастья, – повторил Николай Степанович. – Накрыла она крыльями землю, и с тех пор пришли к людям горе и печаль. Любая радость оборачивалась страданием, любовь – утратой, а победа – поражением, – он со свистом втянул в себя чай. – Тот мужчина, который вас сбил, в роддом торопился – жена близнецов родила. Потому и проскочил на красный.

Они допили чай в полном молчании.

– Я пойду? – робко спросил Федор.

Николай Степанович кивнул. Он проводил Федора до двери и, когда тот уже был на лестничной площадке, добавил:

– Живая вода.

Федор резко обернулся:

– Так ведь это сказка!

Николай Степанович согласился:

– Конечно, сказка. Но спасти Алену может только живая вода.

Глава вторая. Ходоки

Мать встретила настороженно:

– Как съездил?

– Нормально, – отмахнулся Федор.

– Тебе Аленин отец ничего такого не говорил?

– Нет, – ответил Федор. – Ему просто плохо.

Мать расслабилась и неожиданно разревелась. Он неловко обнял и принялся вытирать ей слезы.

– Я боялась, что он набросится на тебя, – всхлипывая, произнесла мать.

– Почему? – удивился Федор.

– Потому что ты живой, а Алена... – мать оборвала себя, не закончив фразу.

– Алена тоже живая, – возразил Федор и тут же ужаснулся: *пока живая.*

Прошел в свою комнату, сел за стол и включил компьютер. Письменный стол Федору купили перед первым классом. Теперь Федор окончил второй курс техникума, но стол продолжал служить верой и правдой.

Пентюх, как ласково прозвал компьютер Федор, натужно загудел, экран загорелся голубым, а затем по нему пошли полосы. Лишь через пять минут на мониторе высветилась приветственная заставка Винды: зеленый луг и голубое небо с облаками. Федор поправил защитный экран на мониторе:

по мнению отца, Федор слишком много времени проводил за компьютером, а потому следовало опасаться излучения. Недавно в продаже появились менее объемные мониторы – этот занимал треть стола, но мама велела подождать, пока они не подешевеют. Правда, к тому времени подоспеют еще более продвинутые, но родителям это не докажешь.

Федор зашел в интернет и набрал в поисковике: «Живая вода». Компьютер завис, обрабатывая запрос, и через семь минут выдал миллионы ссылок, большинство из которых были посвящены русским народным сказкам. Федор немного подумал и сузил поиск: «живая вода Заручье». Ссылок вывалилось чуть меньше, все они вели к Заручью, ходакам и мертвой воде. Федор снова изменил запрос: «Заручье легенда живая вода».

Опять пришлось продираться через кучу информации. Интернет все время вис: скорость его была низкой, да и мощности Пентюха не хватало. Поэтому лишь через час Федор наткнулся на статью, которая более-менее подходила. Он прошел по ссылке и прочитал: «Казалось бы, наличие источника с мертвой водой в Заручье косвенно подтверждает существование живой, о которой мы все знаем из сказок. Но сколько ни пытались проникнуть ходоки в глубь Заручья, никому из них этого не удалось. Из более чем сорока ходоков, предпринимавших подобную экспедицию, вернулся только один. Но ничего о вылазке поведать не смог: состояние его оказалось критическим, и через несколько дней

ходок умер».

Под статьей шла ссылка на сайт ходоков. Федор открыл ее, перед ним высветилась доска памяти. Сто семнадцать цветных фотографий, столько же имен и кратких биографий. Разного возраста, внешности и роста, умершие были схожи в одном: все они погибли в Заручье. «Пропал без вести», «Затянуло в болото», «Утонул в озере», «Потерял разум»... Федор сам не понимал, зачем листает эти скорбные списки.

Больше про живую воду он ничего не нашел, поэтому продолжил изучать сайт ходоков. «Возникло это движение пятьдесят лет назад, когда частично открыли доступ в Заручье. До этого вся информация о месте за рекой Смородиной находилась под грифом «секретно». Время от времени в мир просачивалась информация об обитателях Заручья, но большинство людей считали их выдумкой.

Так, перед войной в деревне Щелково дети купались в озере и увидели огромное лохматое существо, которое шагало к ним с противоположного берега. Дети с визгом бросились из воды и разбежались по домам. В том месте гуляет байка об озернике, который ночами заглядывает в окна домов и забирает детей, которые не спят. Считается, что именно его и заметили дети.

Неподалеку от Щелкова возле деревни Усково, там, где озеро сужается с обеих сторон, образуя перемычку, видели русалку на мосту. Через мост тот шла прямая дорога в Кириллов. Теперь же ни дороги, ни моста не сохранилось. Ру-

салка объявилась примерно в то же время, что и озерник, так что мужики и бабы сочли это дурной приметой. А сразу после войны в лесу за Бородаевским озером открылось Заручье, и с тех пор в него начали ходить исследователи, к которым вскоре пристало прозвище ходоки».

Федор представил русалку: с длинными волосами, слегка прикрывающими округлые груди, размером такие, чтобы в ладони умещались. В его воображении русалка призывно смотрела и помахивала хвостом. Он глупо улыбнулся: эта русалка совсем не походила на ту, из сказки Андерсена.

Федор прокрутил статью ниже. «Скорее всего, органы безопасности знали о существовании Заручья, так как местные жители иногда натывались на странные постройки в лесу и закрытые территории, обнесенные бетонным забором. Хотя ни военных фургонов, ни вертолетов никто не видел, но ходили слухи о подземной дороге».

Федор хотел еще посидеть за компьютером, но почувствовал, что засыпает. Время было раннее – восемь часов вечера, но он отказался от ужина и лег спать. Во сне Федор стоял перед высоким из железной проволоки забором. За ограждением виднелась огромная курица, закрывающая собой небо. Она пыталась прорваться через забор, раздирая в кровь тело о колючую проволоку. Вокруг бегали военные и обстреливали курицу из автоматов. Птица издала громкое квохтанье, из клюва вырвался огонь, сжигая проволоку и часть людей. Федор попытался сдвинуться с места, но ноги отказали. Он мог

лишь бессильно смотреть, как остальных людей, которые не успели убежать, курица склевала, будто червяков.

От сна осталось ощущение неотвратимости чего-то страшного, будто Федор переступил некую черту – Рубикон, и теперь его жизнь не вернется в прежнее русло. Он прошел в ванную, открыл краны и умылся, трижды прошептав: «Куда вода, туда и сон» – так в детстве научила бабушка.

Родители уже уехали на работу. На завтрак Федор пожарил докторскую колбасу с яичницей и с наслаждением все съел, макая черный хлеб в желток. Родители заварили по второму разу чай в чайнике, но Федор не любил спитой, потерявший цвет чай, предпочитал свежий. Поэтому положил в бокал чайную ложку заварки, добавил душицы и залил кипятком. Сверху накрыл блюдцем и укутал полотенцем.

Чай обжигал. Федор пил его, не торопясь, вприкуску с шоколадными пряниками с вишневой начинкой. Пряники были крохотные, всего на один укус, так что Федор сам не заметил, как пакет наполовину опустел. Зазвонил телефон. Федор прошел в коридор и поднял трубку.

– Привет болеющим! – послышался голос Димки, с которым они дружили с первого класса. – Выписали тебя?

– Вчера еще.

– Знаю, мне мать сказала: она с твоей встретилась утром на остановке. Как сам?

Федор лишь сейчас осознал, что нога не болит: прошла за

ночь.

– Жить буду, – ответил он.

– Это хорошо, – обрадовался Димка. – Я заскочу?

С Димкой Федор не виделся с конца июня: тот закончил десятый класс, отгулял на выпускном и собирался поступать в Горный институт. Федор же сдал сессию за второй курс строительного техникума – в свое время он ушел из школы после восьмого класса – и укатил на дачу.

– Давай! – обрадовался Федор: с Димкой вполне можно было обсудить то, что его беспокоило.

Димка принесся через три минуты: он жил в соседнем доме. Федор пропустил друга в квартиру, затем Димка осторожно стукнул его кулаком в плечо.

– Руку сломал! – нарочито громко воскликнул Федор.

– Точно, живой, – усмехнулся Димка. – Рассказывай.

– Да чего там рассказывать... Ты и сам, наверное, все знаешь. Даже лучше меня.

Димка подгрел к себе пакет с пряниками и принялся уничтожать уцелевшие.

– В газете писали, – подтвердил Димка, – в происшестви-ях. Правда, без имен.

– Слушай, – замялся Федор: – а ты ничего не слышал о живой воде?

– Для Алены? – Димка понял сразу.

– Да, Николай Степанович сказал, что может помочь.

Димка отодвинул пустой пакет и пристально взглянул на

Федора, словно впервые увидев.

– Ну в сказках живая вода есть, – осторожно начал Димка.

– А не в сказках? – перебил Федор.

Димка постучал пальцами по столу, выбивая какой-то марш.

– Будем размышлять логически, – продолжил он. – Возможно, что живая вода не дается людям.

– В смысле? – не понял Федор.

– Ну как с Заручьем раньше было. Пока само не открылось, никто о нем и не подозревал, – пояснил Димка.

– А вдруг ее и на самом деле нет? – у Федора зародилась призрачная надежда, что можно будет перестать волноваться и не чувствовать себя обязанным куда-то бежать и что-то делать.

Димка пожал плечами:

– Кто знает? Про Трою все думали, что это легенда, пока не откопали. В сказках-то есть и мертвая, и живая вода. Мертвую нашли, значит, сыщут и живую.

Федор решился:

– Ты не знаешь, как стать ходоком?

Димка присвистнул:

– Ну ты задвинул. Туда так просто не попасть. Знаешь, сколько желающих? Моего брата не взяли, а у него и разряд по боксу имеется, да и с остальным полный порядок. Да и не берут туда несовершеннолетних.

Димка вскоре ушел, а Федор никак не мог успокоиться.

Он вновь залез на сайт ходоков. Да, как и сказал Димка, требовался возраст от восемнадцати лет и первая или вторая группа здоровья. Со здоровьем до аварии проблем не имелось, да и сейчас Федор чувствовал себя нормально, хотя при выписке врач сказал ему показаться потом в поликлинике. Но Федор решил не спешить: все равно осенью в техникуме диспансеризацию проходить, успеет.

Через полчаса он все еще сидел на сайте, хотя было ясно: ничего не выйдет. Да и с чего Федор вдруг решил, что живая вода существует? Ведь даже легенды о ней нет, за столько лет могли бы и сочинить байку покрасивее. Да и искали ее. Не могли не искать. Говорят, люди большие деньги на мертвой воде зарабатывают, а на живой... Ей бы цены не было!

Федор закрыл сайт: смысла нет. Николай Степанович все придумал, ведь трудно смириться, когда дочь на грани жизни и смерти. Ухватился за соломинку и пытается выплыть на ней из бушующей пучины. Придумал и поверил, и даже Федора заразил своей идеей. А ведь будь это правдой, сколько людям можно бы было помочь! Столько жизней спасти. Жаль только, что это все сказки.

Глава третья. Ферапонтово

Сутки спустя Федор трясся в плацкарте до Череповца. В давно немытом окне мелькали бесконечные поля, леса, бетонные столбы с проводами и рельсы, сменяясь перронами маленьких городов, по которым бегали суетливые люди с сумками – поезд стоял здесь одну-две минуты. Деревянная рама на все усилия не поддавалась, поэтому открыть окно ни Федору, ни попутчикам – плотной коренастой тетке с мужем-жердью – не удалось. Иногда Федор выходил в тамбур и пытался отдышаться, но и там все время кто-то курил. От запаха табака Федор начинал кашлять, словно кто распылил удушливый газ. Сизый дым медленно плыл, обволакивая пассажиров, и тогда Федору мерещилось, что он снова в реанимации, и к нему тянутся нити капельниц, опутывая тело.

В дороге подавали чай в граненом стакане в железном подстаканнике. Чай оказался не ахти, не индийский, который покупала мама – крепкий, насыщенного красно-коричневого цвета. Вода в бойлере по ощущениям была сыровата, точно ее не докипятили. Заварка – солома соломой: ни цвета, ни аромата, ни вкуса. Но Федор все равно пил чай, откусывая от бутербродов, приготовленные мамой, большие куски: хотелось есть.

Соседская пара развернула пакет с вареной курицей и яйцами, которые Федор вообще-то любил, но есть в дороге не

мог: от них почему-то мутило. Вот и сейчас он вновь вышел в тамбур, чтобы остановить приступ дурноты. Повезло: в этот раз тут никого не оказалось. Мысленно Федор вернулся в день назад, когда утром сообщил родителям о решении. Ночью во сне явилась Алена. Она сидела в деревянной лодке, готовой отчалить от берега. Рядом с Аленой находился старик, на нем был темный плащ с капюшоном, накинутом на голову, поэтому лицо старика Федор разглядеть не мог. Старик держал в руках весло и собирался оттолкнуться им от берега.

Почему-то увиденное наполнило сердце Федора тоской, словно он предал Алену, и теперь Харон собирался переправить ее через Стикс в царство мертвых. Федор проснулся и открыл глаза. На кухне закипал чайник, слышалось его посвистывание. Мама зашаркала по коридору тапочками, чтобы отключить чайник, и Федор осознал: сейчас они соберутся и будут завтракать всей семьей. Мать наверняка испечет что-нибудь вкусненькое – встала ни свет, ни заря, а Алены скоро не будет. Совсем.

Его накрыло с головой ощущение непоправимого. Федор слушал, как за стенкой мать что-то готовит. Истошно сигналлила под окном чья-то придурочная машина, мимо комнаты протопал отец, а осознание скорого конца той, которая недавно прижималась к Федору всем телом, и от одной мысли о которой все в нем бурлило, подобно шампанскому в бокале, Федору сделалось тошно.

Если он не поедет к ходокам, если не попытается добыть живую воду, никогда себя не простит – понял Федор. Это предательство, с которым невозможно жить. Оно, может, совсем незаметное, но это пока. Потом оно станет разрастаться, как ржавчина, разъедая душу изнутри. Все это Федор вывалил на родителей, не в силах удержать в себе. Мама безвольно опустилась на табурет, ее лицо затвердело, будто она превратилась в соляной столб. Отец криво усмехнулся и тоже не произнес ни слова.

Затем оба заговорили, перебивая друг друга.

– Не пушу! Все это ее отец удумал. Алена одной ногой на пороге, так чего ему тебя жалеть?

– Ты точно решил? Не пожалеешь? Читал, наверное, что многие гибнут?

– Да кто его спрашивает?! Не пушу и все! На пороге лягу, пусть попробует перешагнуть.

– Тебя же не возьмут. Туда не любой подходит, а особый народ, крепкий.

– Вася, о чем ты говоришь?! Запрети и все! Скоро учеба начнется.

Федор выждал, когда они на мгновение умолкнут, и встал:

– Я решил. Если вы меня не отпустите, я сам поеду.

Отец грохнул кулаком по столу:

– Мал еще условия ставить. Мать пожалей!

– А Аленину мать кто пожалеет? – вскинулся Федор. –

Она в больнице с сердечным приступом.

– Хочешь, чтобы и я туда загремела?! – мать повысила голос.

Они ругались с полчаса, пока отец не произнес еле слышно:

– Надя, пусть он едет.

Мама заголосила в голос словно по покойнику:

– Вася, да как же так?! Да разве так можно?

Отец спокойно пояснил:

– Все равно ничего не получится, развернут его там.

И вот теперь Федор стоял в тамбуре, наблюдая, как в мутном окне проносятся редкие огни фонарей.

В Череповец поезд прибыл ранним утром. Федор, зевая, шагнул на остывшую за ночь платформу вместе с другими пассажирами. На небольшой площади перед железнодорожным вокзалом расспросил мужчину, торговавшего газетами, как пройти к автовокзалу: уточнить никогда не мешало – обидно пойти не в ту сторону, потеряв время. Мужчина указал направление и добавил: «Считай, что уже пришел».

На автовокзале Федор внимательно изучил расписание. Прямого сообщения между Череповцом и Ферапонтово не имелось. Федор на мгновение растерялся: и что теперь делать? Денег на такси не хватало: родители дали с собой десятку, велел экономить. Да и жалко: деньги с неба не падают. Он встал в очередь в кассу и через минуту уже спрашивал

молодую женщину, стоящую перед ним: «Вы не знаете, как добраться до Ферапонтово?»»

Женщина равнодушно пожала плечами, зато отозвались двое: женщина постарше и немолодой мужчина. Так что вскоре Федор взял билет до Кириллова, а уже там ему следовало купить билет до поселка. Вооружившись этим знанием, Федор залез в автобус и проспал всю дорогу. В Кириллове между маршрутами образовался перерыв, так что Федор закинул рюкзак за спину и отправился бродить по городу.

Город был небольшой; разбитым асфальтом, малоэтажными домами он походил на тысячи провинциальных городков. Главным украшением являлись монастырь и Сиверское озеро, вдоль которого расположились старинные постройки. Федор потрогал воду: прохладная; а через несколько минут сбросил одежду, снял часы и решительно вошел в заросли камыша. Миновал их и, не раздумывая ни секунды, нырнул и сделал несколько быстрых гребков.

Вода взбодрила. Сперва Федор замерз до костей, а затем по телу разлилось тепло. Фыркая и отплеываясь, он поплыл прочь от берега и в метрах ста от берега лег на спину, раскинул руки и уставился вверх. По безмятежному синему небу плыли пышные, точно взбитая молочная пена, облака. Бледно-желтым блином светило солнце, наполняя окружающее пространство безвременьем и безмятежностью.

Федор смотрел ввысь, проваливаясь в небо, точно в озеро. Стояла тишина, немыслимая для больших городов, даже

ветер стих. Ни шелест камыша, ни назойливое приставание слепня, ничто не нарушало покой. Хотелось закрыть глаза и забыться, и Федор провалился в пограничное состояние между дремой и бодрствованием.

Кто-то провел пальцами по его спине, и кожа покрылась мурашками, а между лопатками стало горячо. В другой раз Федор бы с криком выскочил из воды, но сейчас он воспринял касание как нечто обыденное. Пальцы нежно перебирали волосы Федора, от этого волна наслаждения пошла от макушки до пяток. Федор растекся вместе с водой, становясь единым целым с озером, и тут зазвонили колокола.

Федор вздрогнул, будто от удара, и очнулся. Надо же! Едва не заснул. Он развернулся к берегу и поплыл обратно. Вылез из воды и начал махать руками, пытаясь согреться. Затем вытащил из рюкзака запасные трусы и переделся в кустах. Мокрые трусы Федор выжал и убрал в пакет: потом высушит. Надел часы и внутренне охнул: автобус отправлялся через семнадцать минут. Федор закинул рюкзак за спину и поспешил на остановку.

Через полчаса, трясаясь в старом ПАЗике, Федор пытался сообразить: как из памяти выпал солидный кусок времени? Сколько он был в озере? Минут десять? Или два часа?! А может, что-то случилось с часами? Федор взглянул на «Полет» — часы подарили родители на прошлый день рождения. Он после специально покупал металлический браслет вместо кожаного ремешка. Федор гордился часами: крутые и хо-

дят точно, минута в минуту.

Он достал из рюкзака последние два бутерброда и съел их, запивая минералкой. Бутерброды ухнули в желудок, словно в бездонный колодец: маловато будет. Зря Федор полез купаться, лучше бы отыскал столовку и подкрепился, как следует. А теперь неясно, когда перекусить удастся: вряд ли в деревне имеется столовая или кафе. Если только кто из деревенских угостит, но ведь стыдно просить, а надеяться на чужую щедрость глупо.

Автобус мелко трясся на ухабах – грунтовая дорога была разбита. Стояла духота: все окна оказались задраены наглухо. Федор безуспешно подергал задвижку – форточка не поддалась. Снова потянуло в сон, но Федор со всей силы потер мочки ушей, на некоторое время это помогло. Он напряженно вглядывался в окно, боясь пропустить нужную остановку. В само Ферапонтово автобус не шел, останавливался на повороте. Федор договорился с водителем, что тот скажет, когда выходить, но лучше проконтролировать самому: на чужого человека надежды мало.

Автобус чихнул в очередной раз и резко затормозил.

– Кому Ферапонтово? – осведомился водитель.

Федор спохватился: это же ему! Что-то он спит на ходу, хотя в поезде, как залег на полку, сразу же отрубился. Взял рюкзак и вышел из автобуса. Кроме Федора, никто в Ферапонтово не направлялся. ПАЗик тронулся в путь, а Федор пошел по грунтовке, рассудив, что заблудиться тут невоз-

можно: иди себе да иди.

Вскоре он увидел дворы, возле одного слегка поддатые мужики чинили выдавший виды запорожец.

– Добрый день. Не подскажете, как в Щелково пройти? – полюбопытствовал Федор.

Его пристально оглядели.

– Художник, что ли? – уточнил один из мужиков: в тренировочных штанах, пузырявшихся на коленях, и в линялой рубахе.

– Почему? – удивился Федор.

Мужик пожал плечами:

– Так летом художники обычно приезжают. У нас же природа, вот и рисуют, что ни попадя. Монастырь опять же рядом. А на туриста ты не похож, они завсегда на экскурсионных автобусах прикатывают.

– Я по делам, – туманно ответил Федор.

– А-а, – коротко сказал мужик и замолчал, потеряв всякий интерес.

Федор замялся: так куда идти?

– А в Щелково тут одна дорога, паря. Щаз прямо пройдешь, а потом направо повертывай, – объяснил второй мужик, отличающийся от первого лишь вислыми усами с проседью.

Федор поблагодарил и отправился дальше.

Вскоре он вышел к разветвлению дороги. Слева высился монастырь, справа шла грунтовка до Щелково, как сказали

мужики. Федор подумал мгновение и свернул налево. Прошел мимо Ферапонтовского монастыря, расположенного на берегу одноименного озера, к деревянному мосту, возле которого стоял знак, запрещающий движение крупнотоннажных машин. Мимо шла девчушка лет десяти.

– Не подскажешь, Щелково в той стороне? – Федор указал в противоположную сторону. Мужики понятно растолковали, но лучше перестраховаться: мало ли перепутали по пьяни.

– Да, – подтвердила девчушка.

– А магазин у вас имеется?

– Да, вон там, – девчушка махнула рукой и зашагала по своим важным девчоночьим делам.

Сельпо находилось в деревянном доме, крашенном синей краской. Серую дверь словно перечеркнули длинной железной задвижкой. Федор изучил время работы магазина: эх, опоздал на десять минут! Обидно. Почему они так рано закрываются? И вряд ли в поселке имеется еще один магазин. Что же делать?

Федор заглянул в зарешеченное окно: грубо сколоченные полки с растительным маслом, хлебом, консервами и минералкой с водкой, ничего особенного. Но пополнить припасы бы не помешало: Федор собирался в спешке и из еды ничего не прихватил. Теперь придется или не ужинать, или как-то решать этот вопрос в Щелково.

Глава четвертая.

Перевалочный пункт

Он вновь миновал мост. Мимо медленно проехала легковушка, от чего мост завибрировал. Федор тоже не спешил: разглядывал монастырь. Белая штукатурка местами облупилась, из-под нее выступила кладка из красного кирпича. Ворота и примыкающая к ним калитка были закрыты, из-за стены торчали церковные здания в строительных лесах. Ничего толком и не увидишь.

По обе стороны дороги тянулись поля с горохом, в которых торчали ярко-синие головки васильков. Федор зашел в поле и начал рвать горох: уже твердый, не сладкий, но съедобный. Очистил несколько стручков: с горохом усердствовать нельзя, потом живот пучить будет. А так бы Федор набил им карманы, а после лушил бы по дороге.

Подул ветерок, принесся волну жара, точно Федор попал в парилку. От этого воздух перед Федором замерцал, послышался перезвон медных колокольчиков. В ушах зашумело, перед глазами все поплыло, и Федор ощутил, как кто-то нежно касается выемки на шее, как гладит шею, запускает пальцы в волосы, отчего по телу разливается истома.

Колокольчики переговаривались на разные голоса, убаюкивали. Хотелось лечь на спину посреди поля и раскинуть руки, и долго вглядываться ввысь. Знакомое ощущение, ка-

жется, с Федором сегодня было подобное. Или все это привиделось? Он потряс головой, прогоняя наваждение, и тут же послышался торжественный перезвон церковных колоколов. Федора будто в сугроб макнули. Он посмотрел на раскрытую ладонь, на которой осталось несколько горошин, бросил их на землю и поспешил дальше.

Тени удлинились, намекая на скорый вечер. Федору сделалось не по себе: неприятно оказаться ночью в незнакомом месте. Он невольно прибавил шаг: следовало добраться до деревни побыстрее, чтобы найти ночлег. Вдруг его не оставят на базе? Да и вообще... Вся эта история была чистой авантюрой со стороны Федора, надеявшегося лишь на счастливое стечение обстоятельств. Но удача – дама капризная, на нее полагаться нельзя.

До деревни он дошел быстро, тут и правда оказалось недалеко. В начале поселения дорога разветвлялась на два рукава. Спросить, куда идти, было не у кого – разве только у кур, бродивших по деревне. После секундного замешательства Федор отправился по дороге, спускавшейся к озеру. Он надеялся встретить кого из жителей по пути, но как нарочно, улица была пустой, даже собаки не лаяли. Федор задумался: может, следовало пойти по правому ответвлению дороги, но тут по левую руку он обнаружил дом. На нем виднелась табличка с крупными буквами: «БАЗА».

Дом ничем не отличался от остальных: с шиферной крышей, обитый рейкой серого цвета. С трех сторон сруб был об-

несен невысоким забором, оставляя свободным вход. На лужайке перед домом были припаркованы три внедорожника и старый микроавтобус. Федор потоптался перед дверью, затем набрался решимости и постучал. Никто не ответил. Тогда он толкнул дверь и вошел.

Внутри было темно: Федор попал в сени. Немного подождал, пока глаза привыкнут к полумраку, а потом разглядел дверь слева, обитую дерматином. Снова постучал – звук получился глухой, едва слышный – и, не дождавшись приглашения, вошел. Над головой горела лампочка, вкрученная в патрон. По правую руку на стене висела доска с крючками для одежды. По левую располагалась деревянная печь, от нее тянуло остывающим жаром. Стояла газовая плита с четырьмя конфорками, рядом с ней газовый баллон. Деревянный резной буфет, раковина с умывальником – в ней стопкой лежала грязная посуда, небольшой стол, накрытый белой клеенкой с синим узором...

Прямо перед Федором виднелась большая комната с двумя столами и массивными скамьями возле них. На окнах висел короткий тюль. В одно из стекол с налета билась муха, пытаясь преодолеть прозрачную преграду.

Федор мялся на пороге: никого нет. Может, на улице подождать? Но дверь позади скрипнула, и появилась женщина средних лет, одетая в длинную черную, под бархат юбку и зеленую кофту с люрексом, облегающую фигуру. Кофта была застегнута на мелкие перламутровые пуговицы, на голову

женщина повязала белый платок.

– Ты к кому? – удивилась женщина.

Федор растерялся. Мысленно он раз сто прокручивал слова, которые скажет, когда придет на перевалочный пункт, а теперь они все вылетели из головы.

– А никого нет? – вопросом на вопрос ответил он.

– Так ты к дорожкам? – догадалась женщина. – Проходи.

Федор сел за стол и сглотнул: хотелось есть.

– Вы не знаете, где тут перекусить можно? – спросил он. – Или магазин?

– Так тут и можно, – ответила женщина. – Что будешь? Есть щи, картошка томленая со сметаной и говядиной.

В животе забурчало так явно, что Федор смутился, но женщина сделала вид, что не услышала.

– Все буду! – обрадовался Федор.

Женщина отодвинула заслонку в печи и ухватом достала поочередно два чугунка. Из одного поварешкой налила густые щи – из тех, про которые говорят, что ложка стоит – плюхнула в них щедрой рукой сметану, мелко порезанный зеленый лук и отрезала здоровый ломоть круглого хлеба – Ленинградского. Федор, обжигаясь, начал есть.

Сразу же стало хорошо, и Федор ощутил, как устал за день. Сказалось раннее пробуждение, да еще езда с пересадками по ухабам. Женщина принесла тарелку с картошкой и говядиной и поинтересовалась:

– Тебя как звать?

– Федя, – по-детски представился он и тут же поправился: – Федор.

– А меня Мариной Вячеславовной зовут.

Дверь распахнулась, и в избу ввалилось трое мужчин.

– Одну оставить нельзя, уже кого-то привечает, – с порога заявил огромный, под потолок мужчина. Он сразу же заполнил собой пространство.

– И правильно делает, – одернул первого другой вошедший. – Свято место пусто не бывает.

– Да ну вас! – Марина Вячеславовна шутливо замахнулась на них. – Ужинать будете?

– А как же! – новоявленные гости по-хозяйски расположились за столом рядом с Федором.

Тот поздоровался.

– Тебя каким ветром занесло? – полюбопытствовал первый мужчина.

– Дай парню поесть спокойно, – вновь вмешался второй. – Захочет, сам расскажет.

Федор рассматривал их: все трое одеты по погоде – в водолазки и комбинезоны. Хотя на улице еще лето, но ночи стояли прохладные. Комбинезоны с множеством карманов были сшиты из плотной материи, чертовой кожи, которую, захочешь, не порвешь. На этом сходство между появившимися заканчивалось. Первый мужчина был средних лет, богатырского телосложения, с короткой шеей, утонувшей в широких плечах. Второй – среднего роста, сухощавый, уже пожилой.

Третий чуть старше Федора: поджарый парень с рыжими – вырви глаз – волосами.

– Я к дорожкам пришел, – ответил Федор, положив вилку. – Хочу вместе с ними за мертвой водой идти.

– О-о-о, – протянул пожилой мужчина. – Вон оно как.

Марина Вячеславовна принесла щи, и на некоторое время установилась тишина. Федор доел картошку с мясом, но Марина Вячеславовна подала чай и пирожки с капустой.

– А чего сюда приехал? А не в Москву? – спросил первый мужчина.

– Меня в Москве не возьмут, – объяснил Федор, – мне восемнадцати нет. Решил, что проще напрямую с дорожками договориться.

– Голова, – уважительно протянул пожилой мужчина. – Как считаешь, Горелый, есть у него шанс?

Рыжий парень прищурился и взглянул на Федора:

– Шанс есть всегда. Меня же вы взяли.

– Попробовал бы я тебя не взять, когда ты из машины перед постом вылез, – засмеялся первый мужчина. – Думал, прибуду гада.

– Да ладно, Иваныч, все нормально же прошло, – Горелый сделал вид, что прикрывается от удара. – Мы с тобой работали.

– Попробовал бы не сработаться, – Иваныч все же отвесил парню шуточный подзатыльник.

Федор ощутил, как спадает напряжение. Тело охватила та-

кая слабость, когда даже рукой двинуть невозможно. Словно ему сообщили об исполнении самого заветного желания, и теперь не о чем мечтать, да и нет смысла что-либо делать: все уже свершилось.

– Нельзя его брать, – возразил пожилой мужчина.

– Почему, НикДир? – удивился Горелый.

А Иваныч пристально посмотрел на Федора, будто только что увидел.

– Прав ты, НикДир, – подтвердил он, – я сразу-то и не приметил.

Внутри Федора что-то оборвалось, точно его поманили чем-то прекрасным, а затем с треском захлопнули дверь перед самым носом.

– Почему? – он не узнал собственный голос: тот сделался глухим, точно Федор говорил через вату.

– Да нормально все с ним, – встрял Горелый. – Четкий парень.

– Птица несчастья над ним пролетела, – пояснил НикДир и обратился к рыжеволосому: – А ты, Горелый, не лезь, коли без понятия.

– Да, парень, – Иваныч сочувственно улыбнулся Федору, – беда за тобой по пятам ходит, за спиной маячит.

Глава пятая. «Шизгару» давай!»

Ужин доели в полном молчании. Потом Федор не выдержал и задал мучивший его вопрос:

– Что со мной не так?!

– Да все так, – Иваныч смотрел на ложку, которую вертел в руке. – Смышленный ты, крепкий. Только беда у тебя недавно стряслась, отмечен ты птицей несчастья. Скажешь, не так?

– Так, – скрывать правду смысла не было.

– Ну так рассказывай.

Самое важное Федор утаил, поведал лишь про аварию, и что мертвую воду оплатил ее виновник. Мол, не хочет быть обязанным спасением тому мужику, а потому и решил добыть мертвую воду, чтобы вернуть вырученные за нее деньги виновнику аварии.

– Пусть подавится! – присовокупил Федор для достоверности.

– В том-то и дело, парень, что меченый ты теперь, – продолжил Иваныч. – Вон, и НикДир подтверждает.

Пожилой ходок кивнул:

– Тебе год обождать следует, чтобы мертвая вода выветрилась. А не то они тебя увидят.

– Кто они? – не понял Федор.

– Они, – с нажимом произнес НикДир, – которые в Заручье обитают. Мавки, русалки, лешие... Разной твари по паре.

– А так разве они нас не видят? – Федор чувствовал себя дураком: он и половины из сказанного ходоками не понимал.

– Видят, но как бы вскользь, – разжевал НикДир. – А ты для них, точно лампочка для мотыльков – светишься. Сожрут в два счета.

Федор растерялся: людоеды они, что ли, в Заручье? Хотя если вампиры или оборотни... О чем это он? Их не существует!

– Ну не в прямом смысле, конечно, сожрут, хотя упыри и волколаки могут, – Иваныч будто прочел его мысли. – Просто в болота заманят или в озере утонешь. Помнишь, Миху Патлатого, Горелый?

– Ну, – отозвался тот.

– Говорил я ему: не спеши, месяц потерпи, а потом топай в свое Заручье – он до этого радикулит мертвой водой лечил. Нет же! Как магнитом его туда тянуло. Отходился Патлатый, костей так и не нашли.

– Охренеть! – Горелый завис над пустой чашкой из-под чая. – А чего раньше молчал?

– А надо о таком перед вылазкой говорить? – отрезал Иваныч. – Вернулись, вот и говорю.

– Так что, – обратился Иваныч к Федору, – погоди годок, надежнее будет. Если в Заручье сгинешь, то все напрасно: и жизнь твоя, и мертвая вода, что на тебя потратили, когда другим не всегда хватает. Да и родителей этим не осчастливишь.

– Может, они мечтают от него избавиться, – хохотнул Горелый и осекся, заметив укоризненный взгляд НикДира.

В окно по-прежнему билась муха. Федор мгновение смотрел на нее, забыв обо всем. Он сам, как муха, колотится о невидимую преграду. Кажется, протяни руку, и все получится. Но надежда лишь поманила, да обманула.

– Та-а-ак, – произнес Горелый. – Сегодня у нас пятница, а значит, в клубе танцы. Ты идешь? – обратился он к Федору.

– Я? – растерялся тот.

– Ну не НикДир же, – Горелый встал из-за стола. – Чего тут штаны протирать, пойдем, растрясемся. На девчонок посмотрим.

Федор раздумывал недолго: и в самом деле, что тут делать? А в клубе, глядишь, Горелый что дельное расскажет.

– Идите, идите, – махнул рукой Иваныч, – а я отсыпаться. Пршлую ночь глаз не сомкнул, потому что всякая гадость именно перед возвращением начинается.

– Вещи свои оставь, – велела Федору Марина Вячеславовна: – у нас на Севере воровать не принято.

– Я верю! – среагировал он. – А почему так? – Федор все же не удержался от вопроса.

– Люди у нас счастливые, – пояснила она, – хотя и тяжело живем.

– Кому тяжело, а кому трудно, – не остался в стороне НикДир.

Марина Вячеславовна отвела Федора в клеть. Федор бро-

сил рюкзак на тюфяк, набитый соломой, а сам спустился вниз, где уже ждал Горелый.

– Ну поехали, – Горелый направился к одному из внедорожников с брезентовым верхом, покрытому толстым слоем пыли. Сбоку кто-то выцарапал поверх грязи надпись: «Никита + Тина = любовь».

– Тебя Никитой зовут? – Федор указал на надпись.

– А-а, нет, это какому-то малолетке делать было нечего. Я Виталий.

Они, наконец, познакомились.

– А Горелым тебя за что прозвали? – любопытствовал Федор. – Из-за цвета волос?

– Да нет, – ответил Горелый, – история одна приключилась. Я белье над костром повесил сушиться, а веревка с одного края оборвалась. Вещи-то мои, тю-тю, сгорели, пришлось как погорельцу на базу возвращаться. Так в тот раз за мертвой водой и не сподобился.

Он включил зажигание, зажглись фары. Проснулось радио, которое сперва зашипело, а потом выдало:

«Голуби своркуют радостно,
И запахнет воздух сладостно.
Домой, домой, пора домой!»¹

Горелый подхватил: «Домой, домой, пора домой!»

– Завтра рвану, как выплюсь, – обратился он к Федору. – Но сперва погудим, как следует.

¹ Сектор Газа «Пора домой»

Он выжал газ, и внедорожник ринулся вперед, распуская возвращавшихся с поля коров.

– Зажжём, Федя! – заорал Горелый. – Я живой вернулся и с наваром!

Внедорожник мчался, подпрыгивая на колдобинах и поднимая клубы пыли. Даже на мосту Горелый не сбавил скорость, так что Федору показалось, что бревна не выдержат и вместе с машиной загремят вниз. Автомобиль свернул налево и вскоре остановился возле деревянного здания серо-зеленого цвета. Перед входом кучковались парни и несколько девушек.

– Привет, молодежь! – Горелый вылез из внедорожника и помахал им рукой. – Как жизнь?

В ответ раздался нестройный хор голосов: «О, Горелый, здравь буде! Какими судьбами? Как сам?» Его тут же обступили, одну из девушек Горелый ухватил за талию:

– Валюха, все цветешь?

Она в шутку оттолкнула его:

– Руки не распускай! А что за симпатяга рядом с тобой?

Федор понял, что это о нем, и смутился.

– Это, – Горелый указал рукой в его сторону и подмигнул, – наш новый коллега.

– Молодой больно, – протянула Валюха и улыбнулась Федору, тот сдержанно кивнул.

Валюха была высокой, плотной, с вытравленными до

неестественной белизны пергидрольными волосами и черными тенями вокруг глаз.

– Возраст – дело наживное, – Горелый увлек Федора внутрь клуба.

Там гремела музыка, под потолком в клубах дыма мигал серебристый шар. Горелый с кем-то здоровался, пожимал руки, а сам уверенно шел к сцене, где сидел местный ди-джей. Федор следовал за ним.

– Привет, братан! – ди-джей поднялся из-за пульта. – Что слушать будем?

– На твой вкус.

– Хлебнешь? – ди-джей достал трехлитровую банку с бесцветной жидкостью, в которой плавали апельсиновые корки, и граненый стакан.

Горелый взял стакан:

– Плесни на дно.

Он залпом выпил содержимое стакана и занюхал рукавом.

– Хороша самогонка, аж глаз рвет. Будешь? – спросил он у Федора.

Тот отрицательно замотал головой:

– Не пью.

Но Горелый уже протягивал стакан:

– Значит, пора принять боевое крещение. Чтобы вылазка твоя первая в Заручье как по маслу пошла. Традиция такая.

– Но я... – Федор начал возражать.

– Ты с крючка не спрыгнешь, я же вижу, – подмигнул ему

Горелый. – Через год, но вернешься. Так что считай это посвящением.

Федор зажмурился, перестал дышать и выпил самогон одним глотком. Жидкость обожгла гортань и ухнула в желудок огненным комом, из глаз брызнули слезы.

– Скажи, классная, – Горелый похлопал его по спине, – с нежным апельсиновым вкусом.

Федор откашлялся: говорить он не мог.

– Пошли зажигать, – Горелый ворвался в круг танцующих.

Казалось, он заполнил собой все пространство, так отчаянно работал руками, точно дрался с невидимым противником. Федор последовал его примеру. Сделалось легко, будто кто убрал невидимый камень с души. Им овладела беззаботность, переходящая в безбашенность, когда по плечу, как кажется, любой дурацкий поступок. Например, пройтись по карнизу на уровне десятого этажа или прыгнуть с крутого берега в воду, где полно крупных валунов на дне. Федор свободен и способен на все!

Музыка била по мозгам, мигал шар, по полу стелились клубы дыма. Горелый вновь пихнул стакан:

– Повторим.

Отказываться Федор не стал: самогон – как самогон, главное – задержать дыхание. Он выпил полстакана и в следующий момент уже отплясывал в центре круга. Рядом Горелый яростно вбивал каблуки тяжелых ботинок в пол. Звучала музыка, знакомая и понятная: «Нам не нужно образование, не

нужно контроля за нашими мыслями...»

«We don't need no education

We don't need no thought control

No dark sarcasm in the classroom

Teachers leave them kids alone...»²

Федора охватил восторг. Чудилось, это и есть настоящая жизнь: веселые парни, симпатичные девчонки, музыка и алкоголь. Не надо ни о чем думать и беспокоиться, можно расслабиться и плыть по течению: ведь все пучком и в полном ажуре.

– «Шизгару» давай! – крикнул Горелый, который вошел в раж.

Ди-джей поставил следующую пластинку.

«She's got it yeah, Baby, she's got it

Well, I'm your Venus, I'm your fire

At your desire».³

Горелый подпевал словам песни, и Федор тоже: «Шизгара, бэби, шизгара... Вэл, адью Винес, адью фрау – тёща злая». Перевода песни он не знал.

Потом начался медляк. Федор стоял возле стены и покачивался. Казалось, тело медленно колыхнется в волнах, Федора оплетают водоросли и гладят по лицу, спине, ногам.

«Oh, life is bigger

It's bigger than you

² Текст песни «Another Brick In The Wall» Pink Floyd

³ Текст песни «Venus» Shocking Blue

And you are not me
The lengths that I will go to
The distance in your eyes
Oh no, I've said too much
I set it up».⁴

Подошла Валюха и пригласила на танец. Федор сделал шаг на негнущихся ногах и ухватился за нее, как за опору. Перед глазами все раздваивалось: и смутные очертания танцпола, и другие пары, да и сама Валюха расплывалась, а вместо нее проступала Алена. Из темноты высветились темно-русые волосы, светло-карие глаза и чуть вздернутый нос в россыпи мелких веснушек. Федор глядел на Алену, и на сердце разливалось спокойствие: жива, здорова, и с ней все в порядке. Хотелось прижаться к Алене, гладить ее волосы и молчать, чтобы не спугнуть счастливый момент.

А после свет будто выключили. Федор лишь помнил лицо незнакомого мужика, которое то приближалось, то отдалялось, а затем провал.

⁴ Текст песни «Losing My Religion» R.E.M.

Глава шестая. Полкан

Федор не сразу сообразил, где он. В маленькое окно светило солнце, отчего глаза сразу заслезились, и Федор прикрыл их рукой. Раскалывалась голова, во рту пересохло, так что язык походил на наждачную бумагу. Федор попытался сесть, его повело, и он завалился обратно на тюфяк. «Я пьяный, – с непонятным восторгом подумал он. – Обалдеть!» До вчерашнего дня Федор даже пиво не пробовал, отказываясь ото всех предложений, да и вчера бы не стал, если бы не Горелый и не посвящение в ходоки.

Федор немного полежал, но голова болела невыносимо и нестерпимо хотелось воды. Он безо всякой надежды посмотрел по бокам: вдруг где завалились таблетка анальгина и стакан с водой? Но чуда не произошло, и Федор решил вставать. Одежда обнаружилась рядом, она была аккуратно сложена в стопку вместе с трусами. Федор повертел их в руках, пытаясь понять, почему снял и трусы, после оставил это бесполезное занятие и оделся.

Внизу хлопотала Марина Вячеславовна.

– О, живой! – обрадовалась она. – Как сам?

– Не очень, – признался он, – голова трещит и воды бы.

– На, – Марина Вячеславовна протянула упаковку анальгина и стакан, – выпей сразу две таблетки.

Руки тряслись, так что Федору пришлось сделать усилие,

чтобы не расплескать воду.

– Умотал тебя Горелый, как посмотрю, – Марина Вячеславовна покачала головой. – Сам-то дрыхнет без задних ног – явился под утро, с местными полночи колобродил, а тебя Полкан на себе приволок.

Слова доносились до Федора бессвязным шумовым потоком. Он кивнул, соглашаясь, и спросил:

– А поесть можно?

Марина Вячеславовна спохватилась и достала из печи чугунок:

– Солянка еще не готова, томится. Только каша пшенная. Будешь?

– Буду, – Федор сейчас бы слона съел.

Каша была рассыпчатая, с толстой румяной корочкой. Сливочное масло растекалось по ней золотистыми ручейками. Марина Вячеславовна поставила глубокую тарелку на стол, отвергнув попытки Федора ей помочь:

– Я сама, а то в руках не удержишь.

Федор с жадностью поглощал кашу, желудок жалобно заворчал, а потом замолк.

– Воду можешь прямо из ведра пить, – произнесла Марина Вячеславовна, – она чистая, из колодца. Ковшик там же – на скамье.

– А Иваныч с НикДиром тут? – поинтересовался Федор.

– Сергей Иванович рано утром домой уехал, – поведала она, – а Константин Дмитриевич в Усково отправился, за ме-

дом. Скоро будет.

Она принесла большой бокал с крепким кофе с заваренной в нем мятой, и Федор был за это благодарен: необходимо взбодриться. Хмель все еще не выветрился, хотя голова прекратила разваливаться на куски, но, когда Федор встал из-за стола, перед глазами все закружилось, так что пришлось схватиться за край стола и немного постоять.

Он вышел во двор и направился в туалет, затем умылся из рукомойника и сел на самодельную скамейку, приваленную к стене дома: половина бревна, распиленного вдоль. Вместо ножек к бревну были приделаны два чурбачка. Скамейка нагрелась на солнце, и Федора потянуло в сон. Он сидел, и чудилось, что он вращается. Вращается скамейка, дом, и весь мир крутится вокруг Федора, точно он невидимая ось. Вращение усиливалось, затягивая Федора и Вселенную в бездонный омут.

– Ну ты чудик! – слышался возглас Горелого. – Набрался вчера конкретно, братан. Вроде и выпил совсем ничего, а гляжу – сам с собой танцуешь.

Федор открыл глаза и увидел рыжеволосого ходока.

– Привет! – говорить не хотелось, но Горелый не унимался.

– Думал, придется тебя отвезить на базу. Хорошо, Полкан прискакал зачем-то. Он тебя и забрал.

– Полкан? – удивился Федор.

Имя было собачье. Ну еще в мультфильме «Летучий ко-

рабль» имелся такой персонаж, неприятный.

– А вот и он, – Горелый махнул рукой.

Снизу от озера поднимался конь со всадником, так сперва померещилось Федору. На всаднике была надета черная кожаная жилетка. Длинные светлые волосы развивались на ветру, лицо поражало правильностью черт – словно слепленное по древнегреческим образцам. Где-то Федор уже видел всадника или, может, эти скульптуры все на одно лицо.

Внешность всадника уродовал плохо зарубцевавшийся шрам, который протянулся от отсутствовавшей мочки правого уха до подбородка. Всадник приблизился, и только тогда до Федора дошло, что это получеловек-полуконь: там, где кончался торс человека, начиналось тело коня. Федор хотел что-либо сказать, но мог лишь сидеть с полуоткрытым ртом, не понимая: это реальность или видение, вызванное алкоголем. На задней половине коня были надеты кожаные штаны, что придавало ему странный вид.

– О, штаны какие раздобыл, Полкан! – приветствовал новоявленного Горелый. – Что-то я вчера их на тебе не заметил.

– И тебе хорошего дня, Горелый, – усмехнулся Полкан. – Завидуешь?

– А то! – заржал тот. – Показался вчера перед девками со своими причиндалами. Тебе парни этого не простят. Потому как по сравнению с тобой у гомо сапиенса полная несостоятельность. Тебе не стыдно?

– Что естественно, то небезобразно, – Полкан смахнул волосы с лица. – Это вы, люди, стесняетесь своего тела. Мне стыдиться нечего.

– А щаз что случилось? Если ты такой поборник проветривания?

– Марина попросила, – коротко объяснил Полкан.

– А-а, запал на нее? – понимающе улыбнулся Горелый. – А чо, симпатичная тетка. И хозяйственная. НикДир как-то сказал, что будь он помоложе...

– Тебя не касается, – отрезал Полкан. – И хватит зубы скалить: и так полдня с штанами провозился, пока напаялил.

Все это время Федор пытался привести мысли в порядок. Это, что, какая-то научная селекция?! Или кентавры реально существуют?! И выходит, не только в Заручье, где теоретически могут водиться, но и в обычной деревеньке?

– Все, умолкаю, – Горелый даже прикрыл рот руками. – Тебе от меня сердечное спасибо. А то этот чудик вчера чуть вечеринку не запорол. А у меня с Валюхой как раз контакт начал устанавливаться.

– Как вылазка прошла? – поинтересовался Полкан.

– Да ничо так. Сирин, с-сволочь, чуть песнь не спела, еле успел ей рот заткнуть, а то бы мы с Иванычем последние деньки отсчитывали. А так все, как по маслу.

– Ты с мавкой зачем связался? – Полкан обратился к Федору.

Тот не сообразил:

– Мавкой? А кто это?

– Неупокоенная умершая. Ты с ней под «Losing My Religion» зажигал.

Федор пожал плечами: смысл сказанного до него не доходил.

– Там мавка была?! Охренеть! А я думал: что он так быстро набрался? – Горелый уставился на Федора. – А это, значит, она с него силы тянуть начала.

– Так что, парень, тебе повезло, что я решил на огонек заглянуть, – Полкан потянулся, мышцы под кожей напряглись – у него было идеальное тело. – А то бы нашли твой хладный труп поутру.

– Их же не существует! – невольно вырвалось из Федора. Теперь на него с любопытством смотрели оба.

– Ты, парень, куда вообще собрался? – уточнил Полкан. – Ты что про это место читал?

– Немного, – признался Федор, – про озерника и русалку на сайте ходоков.

– А-а, это, – с пренебрежением в голосе сказал Полкан. – И все?

– Так нет никакой информации, – ответил Федор, – скрывают.

– А у знающих людей спросить? – Полкан прищурил глаз. – Ты же в ходоки собрался.

– Нет, это случайно вышло, – Федор вновь поведал версию произошедшего без упоминания об Алене.

Полкан внимательно выслушал, а затем подытожил:

– Ясно, почему мавка к тебе присосалась – ты на границе побывал.

– На какой границе?

– Между миром живых и мертвых. «Ха-арон, у нас возврат!» Тебе бы затаиться подальше от Заручья.

– Если поможет, – перебил Полкана Горелый. – Мавка – такая зараза, увязаться попробует. Не надо было ему вообще сюда приезжать.

Они замолчали, раздумывая.

– Ладно, – потянул остальных Горелый. – Пошли на базу: чую, солянка готова.

Марина Вячеславовна как раз доставала чугунок из печи. Пахло копченым мясом и специями, у Федора снова забурлило в животе – будто не ел совсем недавно. Полкан заполнил собой все помещение, сразу сделалось тесно.

– Я, пожалуй, на улице постою, – сказал он. – А то места маловато.

– Я к тебе на завалинку приду, – Федор обратил внимание, что Марина Вячеславовна покраснелась и платок сняла. У нее оказались светлые, с соломенным оттенком волосы.

– Нас сперва накорми, а потом воркуйте со своим Полканчиком, – поддел ее Горелый.

Марина Вячеславовна ничего не ответила, только разлила суп по тарелкам и пододвинула хлеб, затем они с Полканом вышли из избы. До Федора доносился смех и обрывки раз-

говора.

– У тебя автобус когда? – спросил Горелый.

– В пять дня, у поворота, – ответил Федор.

– Жаль, я уже уеду, а то бы подбросил. Но ничего, Полкана попросим, чтобы проводил. Полкан проследит, чтобы к тебе никто не прицепился.

– А что, реально, эти сущности есть?! – не поверил Федор. – Ты кого-нибудь видел?

Горелый сморщился:

– Так, по мелочи. С ними лучше не встречаться. Мне Синрин за глаза и за уши хватило, чуть не околочился.

– А разве они не должны в своем Заручье сидеть, а не шастать по деревням? – не унимался Федор.

– Так и люди не должны в Заручье ходить, – хмыкнул Горелый. – Мы к ним, а они к нам – культурный взаимообмен.

Федор отхлебнул горячий острый суп и почувствовал: жизнь налаживается! То, что нужно с похмелья. Вошел НикДир и сообщил:

– Накупил меда. Себе и на продажу, у нас охотно местный мед берут, хороший. Ты бы, Федя, тоже взял, мать порадовал.

– В Заручье завтра? – уточнил у него Горелый.

– Не, обожду, – отмахнулся НикДир. – Время беспокойное, эти, заручейники, никак не успокоятся. Взбаламутил ты их, Федя.

Федор не согласился: он-то причем?

– Мужики из Усково пошли по грибы и на русалку наткнулись, танцевала на поляне, – продолжил НикДир.

Федор удивился:

– Как же она танцевала, если у нее хвост рыбий?

Горелый прыснул со смеха, так что брызги от солянки полетели во все стороны. Он вывалился в окно и радостно общил:

– Полкан, прикинь, этот чудик считает, что у русалки хвост!!!

НикДир укоризненно покачал головой:

– Зачем над человеком смеяться? Ну не знает он, так объяснить нужно. У русалок, Федя, нет хвостов. У них ноги, как у людей.

Федор не умел краснеть, именно это и спасло: внутри он пылал от стыда.

– Я в сказке читал...

– Так это в их сказках, не в наших. Надо наши предания, Федя, читать. Мало ли что на гнилом Западе понапишут. А они бы многое отдали, чтобы в Заручье попасть.

– Это да, – согласился Горелый. – Сколько шпионов каждый год ловят. Хрен им, – он скрутил фигу из пальцев, – а не мертвая вода! Это наш продукт, исконный.

– Да, – подтвердил НикДир, – и идет она на нужды армии и наших людей. Хотя кое-кто продавал бы ее за бешеные деньги за границу. Да и китайцы спят и видят, как бы к нашей воде присосаться.

Горелый сплюнул на пол:

– Им волю дай, они трубопровод в Заручье проведут и всю воду выкачают, что твоя саранча. А уродов местных по банкам распихают, заспиртуют и продавать начнут. Слышь, Полкан, тебя китайцы не просили еще хвост им сбегрить?

– Когда попросят, я тебя наголо обрею, – фыркнул тот. – Говорят, у лысых ума прибавляется – связь с космосом сильнее.

Горелый от души рассмеялся, затем взглянул на часы.

– Ладно, хорошо с вами, но я поехал. Как раз до ночи доберусь.

Он хлопнул Федора по плечу, пожал руку НикДиру и вышел. Вскоре послышался звук мотора, заголосило радио, и в облаке пыли мимо окон промчался внедорожник Горелого.

– Воображает слишком много Горелый, – заключил НикДир. – Ходоку так нельзя.

Глава седьмая. Максим Леонидович

Федор решил уточнить:

– Почему нельзя?

НикДир сходил на кухню, налил себе солянку, отрезал хлеб, намазал его горчицей, сверху положил кусок сала и лишь тогда произнес:

– Гибнут или совсем зеленые – новички, или те, кто себя слишком опытным считает. Горелый по краю ходит, зазнался чересчур. Я вчера с Иванычем разговаривал – он с Горелым больше в Заручье не пойдет. Так что через год приезжай и просись к Иванычу, он мужик опытный и осторожный.

Было в этом предложении что-то нечестное, но Федору не хотелось перечить НикДиру, так что он кивнул. Тем более, через год идти в Заручье никакого смысла нет. Если отправляться, то сейчас, наплевав на все советы.

– Вы один в Заручье ходите? – спросил он.

– Одному спокойнее, – ответил НикДир. – Отвечаешь лишь за себя. Ты никого не подведешь, да и тебя некому.

– А вы шпионов видели? – не унимался Федор. – Которые в Заручье проникнуть пытаются?

НикДир хмыкнул:

– Кто их сюда допустит? Их еще на полпути ловят, в головную организацию раз в год отчет приходит. Ну и напоминание, чтобы не болтали попусту.

– Меня никто не проверял, – признался Федор.

НикДир рассмеялся неприятным дребезжащим смешком:

– Да кому ты сдался, Федя? Те, кому положено, все про тебя знают и давно уже проверили. Здесь случайных людей не бывает.

– Я же могу выдать себя за художника или туриста, – возразил Федор, но НикДир лишь продолжал усмехаться.

– Буду собираться, – Федор поднялся со скамьи, – да и пойду потихоньку.

По карте дорога из Щелково шла в Усково, и где-то там находилось Заручье – за Бородаевским озером. В карте, как всем было известно, имелись неточности, чтобы сбить с толку шпионов и предполагаемого противника. Но Федор не сомневался: вход в Заручье он найдет. Лучше бы, конечно, поплыть на лодке – так быстрее выйдет, но не возьмешь же чужую без спроса, а воровать он не станет.

– И правильно, – НикДир тоже встал. – А я читать. Прикупил в сельпо книги дефицитные. В Ферапонтово они никому не сдались, а я беру: и сам читаю, да и продать с хорошей наценкой можно.

Федор поднялся в клеть, достал рюкзак и проверил его содержимое: запасные носки, трусы, которые так и не высушил, пара рубашек и отцовская куртка. Пустой пакет из-под бутербродов и пустой же термос – Федор решил попросить еду в дорогу у Марины Вячеславовны, не идти же из-за продуктов в Ферапонтово. Наверняка путешествие не займет

больше двух дней, так что растянет еду. Сегодня, например, есть не станет. Эх, надо было вчера у Горелого расспросить, как там, в Заручье. К НикДиру с таким вопросом не подкажишь, он сразу заподозрит Федора. Да и Полкан себе на уме – на кривой козе не подъедешь, как в прямом, так и в переносном смысле.

Он опустил на тюфяк, привалился к стене и закрыл глаза. Хотелось домой. К друзьям, в техникум, в нормальную жизнь, где почти нет ответственности, где он отвечает только перед родителями и за себя. Но если Федор вернется, значит, предаст Алену и смирится с тем, что шансы у нее закончились. Нет уж! Отступить сейчас – значит, расписаться в собственной трусости. Да может, и нет на нем невидимого пятна, а ходоки все придумали. Ради проверки или хохмы, или, возможно, чтобы избавиться от Федора.

Он закинул рюкзак за спину и спустился на улицу.

– Марина Вячеславовна, сколько я должен? И еще: вы не дадите мне бутербродов с собой в дорогу?

– Рубль семьдесят, – ответила та. – Я на Иваныча запишу, для ходоков у нас тариф сниженный.

– Куда так рано? – спросил Полкан. – Посиди еще час, я тебя провожу, чтобы мавка снова не пристала.

– Я сам, – ответил Федор. – Хочу еще в магазин в Ферাপонтово заглянуть.

– Как хочешь, – Полкан пожал плечами. – Но про мавку я не шутил.

Марина Вячеславовна вынесла пакет с пирожками и термос. Федор рассчитался с ней, попрощался с остальными и зашагал в сторону Ферапонтово. В начале деревни он свернул на правый рукав дороги, который вел в Усково.

Он старался не думать, как отыщет путь в Заручье. Наверняка идет одна дорога, так что разберется. Но в голове возникали мысли, одна за другой: а если он заблудится? А если его остановят военные? Или мавка вновь наведет морок? Федор оглянулся: никого. Все же неясно, острил ли Полкан, или мавки реально существуют? Но как понять это?

И тут до Федора дошло. Он вспомнил свое вчерашнее полусонное состояние в озере и поле, когда возникло ощущение, что его убаюкивают. Точно! Это гипноз такой, чтобы Федор ничего не заподозрил. А может, это была не мавка? Кто в озере водится? Русалка? А в поле? Вконец запутавшись, Федор решил ни о чем лучше не думать, чтобы не сглазить себя. Говорят же, что мысли материальны.

Он взглянул на часы: уже четыре дня – долго спал утром, да и потом в себя приходил. Федор зачем-то вспомнил то ли анекдот, то ли это реально было, рассказанный бабушкой. Мол, как-то пошла одна женщина в лес с дочерью. Видят табличку с надписью, на которой часть букв стерлась, ну и прочитали: «Осторожно, волки еся!» И бегом бежать оттуда. А потом выяснилось, что написано было: «Осторожно, валка леса!» Может, и с Федором так? Что-то стерлось, что-то наложилось поверх, кто-то прочитал не так, вот все и пошло

наперекосяк.

По прикидкам до Заручья он был должен добраться лишь к позднему вечеру. Стоило бы заночевать в Усково, но тогда Федор снова потеряет время. В спину подул ветер. Федор расправил руки, точно крылья, поддавшись настроению. Сейчас взмахнет ими и поднимется в небо. И будет лететь вдоль дороги, пока не увидит вход в Заручье, а там станет парить над лесом в надежде разглядеть источник с живой водой. Эх, как бы было все так легко...

Примерно через час послышался звук мотора. Федор обернулся: позади в клубах пыли приближалась машина. Федор отступил в траву: дышать пылью не хотелось, хотя можно проголосовать, чтобы подбросили. Пока он раздумывал, пикап проехал мимо. В кузове, предназначенном для хранения вещей, лежал Полкан. Федор встретился с ним взглядом и от удивления остановился. Полкан вскочил и начал стучать по кузову изо всех сил.

Машина резко затормозила, и Полкан спрыгнул на дорогу. В несколько скачков он приблизился к Федору.

– Ты откуда здесь взялся, чудик? Ферапонтово в противоположной стороне.

Федор молчал: отпираться смысла не было.

– Тебе же ясно сказали: в Заручье хода нет, – Полкан прищурился.

– Мало ли что сказали, – Федор вскинул голову. – Мне туда надо. И не через год, а сейчас.

Хлопнула дверь, из кузова выбрался мужчина: чуть моложе родителей Федора, а, может, и одного с ними возраста – не разберешь. Сухощавый, ростом немногим выше среднего, среди русских его волос проглядывала седина. На подбородке виднелась вмятина: будто кто вдавил туда палец, а след так и остался. Одет мужчина был не в униформу, как Иваныч и остальные, а в брюки и куртку цвета хаки – таких полным-полно на рынке в палатках для рыбаков и охраны.

– Что стряслось, Полкан? – поинтересовался мужчина.

В голосе слышалась усталость, будто он языком мешки ворочал.

– Да парень знакомый, – неохотно ответил получеловек-полуконь. – В ходики просился.

Мужчина приблизился вплотную и взгляделся в Федора.

– Говорили, что нельзя тебе в Заручье? – поинтересовался он.

Федору почудилась снисходительность в тоне мужчины, присущая мастерам своего дела по отношению к новичкам. Мол, куда лезешь, глупыш?

– Ну и что?! – вскинулся Федор. – Может, вралли?

– Зачем? – удивился мужчина. – Или ты думаешь, что мертвую воду по лимиту выдают? Так нет, бери, сколько хочешь, если взять сумеешь.

Федор возразил:

– А если вам конкуренты не нужны? Все знают, что вы за воду тысячи получаете.

Мужчина хмыкнул:

– Так ты из-за денег? Сколько тебе надо? Сотню, две? Могу дать. А ходоки в Заручье не за деньгами ходят, точнее, не только за деньгами.

– Отвалите со своими деньгами! – Федор разозлился. – Мне они не нужны. Мне...

Голос сорвался, Федор опустил в траву и беззвучно разревелся. Он пытался сдержаться, но ничего не выходило. Федору было стыдно, что он как слабак или маменькин сынок, но слезы текли ручьем, а он мог лишь кусать губу, чтобы не разрыдаться во весь голос.

– Что случилось? – мужчина сел рядом.

– Мне очень надо в Заручье, – ответил Федор. – Я все равно туда пойду.

– Ты и полдороги не пройдешь, Федя, – Полкан копытом ковырял землю. – Знаешь, сколько там опытных ходоков сгинуло? Я с него вчера мавку снял, – пояснил он мужчине.

– Я Алене обещал, – признался Федор. – Точнее, отцу ее.

– Девушка твоя? – сообразил мужчина.

Федор кивнул:

– Она в больнице лежит, на нее мертвой воды не хватило. Он решил молчать про живую воду до последнего.

– Думаешь, если погибнешь, ей от этого легче станет? – Полкан отбросил волосы с лица. – Лучше сбор денег объяви: будут деньги, будет и вода.

Федор упрямо произнес:

– Все равно я пойду.

– Иди, только не пустят тебя: мимо заставы не пройдешь, – объяснил Полкан, – а обойти ее нет возможности: вход в Заручье один. Скажи ему, Максим Леонидыч.

Над ухом Федора пищал комар, второй опустился на запястье и уже налился красным. Федор смахнул комара и, сжав губы, произнес:

– Я пойду, не уговаривайте меня.

– Ясно, – протянул Максим Леонидович. – Тогда залезай в машину, подброшу.

Глава восьмая. Заручье

Максим, или как его еще со школы звали Максимус, не ожидал, что предложит парню ехать вместе. Подействовал импульс: Федор напомнил Максиму самого себя двадцать лет назад. Не внешне: Федор был белобрыс, плечист и выше Максима, а своей бедой. Двадцать лет назад Максим пошел в Заручье тоже от отчаяния.

Ехать именно сегодня Максим не собирался, планировал остановиться на ночь на базе. Но там неожиданно встретился с НикДиром, который ждал подходящего момента, чтобы отправиться в Заручье. НикДира Максим недолюбливал. Ясных мотивов для антипатии не имелось, просто меньше всего Максиму хотелось попасть в Заручье одновременно с НикДиром: он тоже предпочитал совершать вылазки в одиночку. А от непрошенных советов НикДира лучше держаться подальше: они все с душком.

Прозвище НикДир получил за то, что в чате ходоков сидел под ником Директор. Когда-то он был геологом и ходил в экспедиции, но жена начала устраивать скандалы: мол, ей надоело воспитывать троих дочерей одной. НикДир ушел из геологов, устроился заместителем директора в научно-исследовательский институт и осел дома.

Выяснения отношений вспыхнули с новой силой: оказалось, жена не может ужиться с НикДиром – отвыкла от его

присутствия в квартире. Да и зарплата заместителя директора оказалась в разы меньше – институту урезали субсидирование. Потом жена завела любовника и подала на развод. Все увещевания НикДира одуматься ее не остановили. НикДир оставил дочерей и квартиру жене, а сам ушел на съемное жилье. Вскоре заскучал и подался в ходоки: зарабатывать на новую квартиру для себя и помогать дочерям.

Все это НикДир поведал о себе, и не верить ему повода не было: НикДир постоянно рассказывал о дочерях, доставал для них дефицитные товары и был с ними на связи. Но все равно, НикДир Максиму не нравился, а потому он сорвался в Заручье, прихватив Полкана – тот попросил подбросить.

И вот случайная встреча с парнем, похожим на Максима в юности. Максим покосился: Федор сидел рядом, вцепившись в рюкзак так, что костяшки пальцев побелели. Казалось, парень не верит в то, что с ним происходит. Да и Максим двадцать лет назад был, как в тумане. Лишь в голове крутилась мысль: он должен!

Вдоль дороги стояли статуи пионеров: кто с горном, кто с флагом, один пионер на вытянутой руке держал футбольный мяч. Скульптуры пострадали то ли от времени, то ли от вандалов: у одной отвалилась часть ноги, у другой – вместо руки остался обрубок, обнажая арматуру, торчащую из культи.

– Их из пионерлагерей сюда привезли? – оживился Федор.

Максим пожал плечами: его это волновало меньше всего. Наверное, кому-то заняться нечем, вот и тащит с округи раз-

ный хлам. Кстати, мусора вдоль обочин было полно. Максим поморщился: он этого не понимал. Что стоит донести пустую бутылку или обертку до урны или свалки? Неужели людям нравится жить на грудах мусора?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.